

Елена Джеро
nextvariant@gmail.com
+39 3319113019

РОЖДЕННЫЕ БЫТЬ ВМЕСТЕ

Разум не объяснить, ты назови его судьбой, либо хаосом, — — пел ванильным голосом Эрос Рамазотти. Прямо в ухо — в этом снятом напрокат джипе динамики были еще и сзади. Видео-клип за окном крутили тоже итальянский, довольно однообразный: темно-зеленые шатры придорожных деревьев с мягкими иголками, пробегающие мимо игрушечные домики и блестящее вдалеке золотой фольгой море — закат. Рядом спала Джулия, уперев голень в водительское кресло. «Затекет,» — лениво подумала Энни о подругиной ноге.

Сны, если ты в это веришь, ни что иное, как предвкушение реальности.

Глаза закрывались с той сладкой усталостью, которая является всегдашим предвестником сна. Если сейчас не сопротивляться, через минуту будешь смотреть совсем другое кино. Энни не сопротивлялась. Рука, расстегнув пуговицу на штанах, чтобы не врезались в живот, соскользнула ладонью вверх на бедро и застыла. Большеглазое лицо с румяными, словно детскими щечками, сдвинулось на сантиметр по подголовнику, кукольные губы слегка приоткрылись.

Связывающую нас нить ты назови судьбой, либо «Мы».

Последнее, что она услышала, был голос Джека, ускользающий в никуда:

— Дрыхнут обе, — сказал будущий муж сидящему за рулем другу. — ПрикуриТЬ тебе сигарету?

Проснулась Энни оттого, что вся бодрствующая компания заливисто гоготала.

— А я ему говорю: «Что ваша жена делает под столом?» — продолжал Майк с трагическими интонациями. — А он такой... — и не выдержав, закончил уже сквозь смех: — Это не жена! Жена в дверях!

Новый взрыв хохота прокатился по машине. Энни глянула в окно — шеренги деревьев выровнялись, дома выросли, автомобили расплодились — они уже ехали по Риму.

— Проснулась, малышка, — глядя в зеркало заднего обзора, ласково поприветствовал Майк.

Это он мне, что ли? — не сразу определила Энни адресата фривольного обращения. Малышкой он обычно называл Джулию. Которая давно не спала, судя по участию в комедийном шоу. Оговорился, наверное. Со сна мысли ползали медленно. Но Майк просунул свободную руку назад и погладил ее по коленке.

— С добрым утром!

Энни в ужасе уставилась на огромную лапу, жар которой чувствовался сквозь льняную ткань, и мгновенно перебросила взгляд на подругу, ожидая реакции на непристойное поведение возлюбленного. Но Джулия продолжала улыбаться, только приподняла слегка брови, мол, ты чего? Слава богу, хоть Джек со своего места ничего не видел. Не хватало еще разборок на пустом месте — любимый считал, что ничего не происходит без желания женщины. А что дружбан, похоже, перебрал, это не в счет.

Майк по своему интерпретировал ее молчание:

— Почему лицо такое? Голодная, что ли? — и положил руку (ура, ура) снова на руль. — Держись, мы уже близко.

Есть вообще-то хотелось, после обеда в живописном ресторанчике на море времени прошло уже прилично — она глянула на часы — 21.10. Правда, пока гуляли по рыбачьему городку, еще два раза подкрепились, не считая мороженного и лесных орехов, которые Энни ела уже одна. Но так уж ее организм был устроен — при изящно-субтильном телосложении заправлялась она за троих. В детстве такой стремительный обмен веществ был поводом для дразнилок, теперь же — для зависти.

— Я даже думать о еде не могу! — проворчала Джулия. — Завтра на завтрак меня не буди, Дэнди.

Что??? Энни дернулась на сиденье, больно ударившись локтем о дверцу. С какой это радости Джек — или, как его прозвали друзья за щегольскую наружность и манеры, Денди — ее Денди — должен будить Джулию?

Молнии из глаз могли бы запросто прожечь спинку переднего кресла, заодно испепелив любимую подругу, но в полумраке салона никто их не заметил. Денди, как ни странно, на Джулиин пассаж не отреагировал, лишь высказал желание поваляться завтра в постели подольше и предложил встретится часиков в 11, чтобы погулять по городу.

Джип обогнул увешанный гирляндами оливковый садик перед отелем и мягко подкатился к сияющему входу.

— «Хилтон Кавальери», — шуточно объявил Майк, — приехали.

Подскочил валет, чтобы отогнать машину на стоянку, а пассажиры вывалились на мощеный тротуар и принялись разминать ноги. Энни направилась было к Джеку, но он уже держал за руку Джулию, и мгновение спустя они оказались за стеклянной крутящейся дверью.

— Э-э-эй, — начала растерянно девушка, и закончила: — о-о-ой!

Потому что Майк подхватил ее за талию, увлекая в ослепительное лобби. Тут Энни, наконец, осенило (и как она только раньше не поняла!) — это розыгрыш! Ну конечно! Они сговорились все и проверяют ее реакцию! Ждут, как она себя поведет в фантасмагорических обстоятельствах! Ха!

Двери лифта, в который запрыгнули два надувателя, с шипением захлопнулись, и они с Майком зашли в соседнюю кабинку. Она глянула в зеркало — мультик «Дюймовочка и великан». Дюймовочкино отражение покачало головой и уставилось прямо в прозрачно-голубые глаза великана, словно спрашивая: «Ну, что дальше?» Великан провел рукой по серому ежику волос, потом потрогал седеющую щетину и только тогда перевел на нее глаза. Взгляд его на миг потепел, губы улыбнулись нежной, быстрой улыбкой и он вернулся к своему отражению... Никогда бы не подумала, что он такой хороший актер!

Пискнул телефон.

— Это Джек, — с трудом вырвал из кармана джинсов, прокомментировал великан. — Они ужинать не будут. Я побреюсь и спустимся, потерпишь?

Конечно, потерпит. Ей эта игра уже нравилась. Интересно, в какой момент в комнату

ворвутся эти двое? Когда он выйдет из ванной в халате? Как бы их обхитрить? — кончики пальцев так и зачесались от азарта.

Они все так же в обнимку проскользили по мягкоковерному коридору к номеру 807 (из их с Джеком 805 не доносилось ни звука) и зарулили в прибранный, пахнущий лавандой апартамент. Главным героем «Императорского» номера, вне всяких сомнений, была безразмерная кровать, по сравнению с которой все остальное казалось маленьким: и сорока двух дюймовый телевизор, и инкрустированный мраморный столик, и толсто-ногая лампа с завитушками. Будуарная часть отделялась от гостиной резными перегородками, за которыми под сенью стекающих складками прямо на ковер штор жили младшие сестры кровати — два желтопузых кресла. Энни направилась было к ним, но передумала.

— Открой мне шампанского, малыш, — проворковала она, входя в роль, и, скинув мокасины, забралась на кровать. Сейчас он точно себя выдаст!

Но Майк не смутился ни капли (поспорили они на деньги, что ли, с Джеком?), вытащил из холодильника бутылку «Ка де Боско» и наполнил два бокала до краев. Они чокнулись, улыбаясь друг другу в глаза. После чего великан притянул ее к себе и медленно, мучительно-вкусно поцеловал. Даже забылось, что кто-то должен вот-вот ворваться. Мысли совсем не туда потекли, только на секундочку, конечно.

— Сейчас вернусь, — пообещал искуситель и исчез в ванной комнате.

Энни потрогала языком губы — они еще горели от щетины Майка, во рту был его вкус, руки, только что обнимающие его, слегка дрожали. Ничего себе розыгрыш!

Она залпом осушила бокал и поняла, что надо повторить немедленно. Три шага до стола, где стояла бутылка, и в стакан полилось шипучее успокоительное. Или наоборот, допинг. Энни повертела головой в поисках салфетки — повязать на горлышко бутылки (Джек научил — кольнула иголкой совесть). Салфеток нигде не было, зато нашлись ее сережки — паутинки с синим бриллиантом — она их утром забыла надеть. Только как они сюда попали? Взгляд заметался по комнате — ее рубашка на стуле, ее туфли на двенадцати сантиметровом каблуке (почти бесполезные для булыжникового Рима), ее коврик для йоги (она везде возила его с собой). Когда они успели все это сюда принести?

Энни открыла дверцу шифоньера. Все женские вещи, все без исключения — были ее. Ладно, допустим, коварный план был придуман заранее, и вещи перенесла горничная. Они тут, наверное, к причудам эксцентричных клиентов привыкшие. Но что-нибудь они, конечно не учили. Вот это! Смартфон Майка экраном вниз лежал на консольной полочке у входа. Из ванной по-прежнему доносился плеск воды. Она в два прыжка очутилась у двери, схватила аппарат и застыла.

На включенном дисплее стояла заставка — Майк с ней на руках, оба в купальных костюмах. Но этого же не может быть! Этой фотографии не существует! И никогда не было. Она бы не забыла. Она бы запомнила, как это — быть с ним ТАК близко, прикасаться к его телу, голому телу, с запахом сигар и немного трюфеля — она теперь знала.

Фотошоп? Но логика уже качала головой — слишком неуместно для смешного розыгрыша, да и сложно. А что тогда? Сон? Не может быть! Слишком невероятно, слишком по-настоящему!

Она все-таки открыла папку сообщений, хотя уже знала, что там увидит. Последнее было от Джека: «Хорошей ночи и секса!» (Мужики хуже детей, ей-богу, это было еще по Дендиному телефону ясно). Итак, все это нереально — это единственное реальное объяснение. Бывают же реалистичные сны, правильно?

Энни положила телефон на место, взяла шампанское и вышла на террасу. Под ногами, подмигивая огнями, лежал Вечный Город. Не настоящий, волшебный. Город сновидений, в котором исполнимо невозможное. Например, раскинуть руки и парить, словно габиан, над Тибром, приземлиться отдохнуть на неровные глыбы Колизея, подслушать полуночные молитвы Папы Римского или даже обсудить с ним пару тем. Раз уж так подфартило. Это как снимать кино, в котором можно все. Даже то, что нельзя. О чем никогда не думаешь, о чем боишься думать, но втайне — даже от себя — хочешь...

— Хочешь? — спросила она вслух, неожиданно севшим голосом. Зажмурила глаза. Главное — не проснуться! И когда он подошел — большой, распаренный, с мокрыми волосами, она сама распахнула его белый махровый халат.

Первое, что Энни увидела утром — была загорелая спина Майка, с тонкими серыми волосками там и сям. Есть специальное название для этого, как же его? — разум, видимо, пытался хоть каким-то образом отвлечь ее от происходящего. То, что это никакое не сновидение, стало понятно еще ночью — когда она наведалась к холодильнику в поисках съестного. Все более ранние мысли типа «не может быть во сне таких сильных ощущений» старательно вытеснялись сознанием, все равно уже было слишком поздно. Оксюморон, вот как это называется. Грезы наяву.

Энни выползла из под простыни и передвинулась на краешек постели. На прикроватной тумбочке стоял пустой бокал, и пустая вторая — она была в этом уверена — бутылка. На ковре валялись предметы одежды и пара полотенец. Боже мой. Она соскользнула на пол, подняла ближнее полотенце и, обернувшись в него, посеменила на цыпочках в ванную. Закрыла дверь на защелку, отвернула кран умывальника и подняла на себя несчастные широко распахнутые глаза. Это случилось (Не случилось, — прогнула совесть, — это совершила ты). Да, — кивнула с горечью Энни, — я провела ночь с чужим мужчиной, — и захлопнула рот рукой, хотя он не произнес ни звука (Не просто с чужим, с мужчиной лучшей подруги — уточнила совесть). Все также зажимая рот рукой, дважды изменщица опустилась на угол джакузи. Разум по прежнему пытался спасти ее от осознания главного кошмара. Но что толку? Разве грех можно считать грехом, если он существует только в твоей голове?

И разве благодетель будет благодетелю, если она приводит к пагубным последствиям (опять оксюморон!) А это непременно бы и произошло, начни она бросаться на шею к ничего не подозревающему Джеку или отбиваться от ничего не понимающего Майка. Не говоря уж про лучшую подругу, которая из чисто товарищеских побуждений, конечно, немедленно сдала бы внезапно пораженную душевным недугом куда следует. Значит, вот как на самом деле сходят с

ума — не постепенно, не приступами, а в момент: раз — и ты в волшебной стране.

Хорошо, что хоть не полетела, — вспомнила Энни свои планы поболтать с Понтификом. Могла бы пополнить собою список беспринципных самоубийств. Эта страшная мысль привела в чувство — все-таки главное, что жива. Жалко, конечно, что в тридцать три года крыша поехала, могла бы погодить пару десятков лет, но паниковать тоже не стоит. Будем просто жить по другому сценарию, — подытожила новоявленная безумица и полезла в джакузи.

Время до встречи с друзьями-любимыми Энни решила потратить на завтрак и йогу (заодно избежала посягательств оставшегося досыпать новоиспеченного любовника). Вкус пищи всегда успокаивал, а асаны помогали концентрироваться и четко, без эмоций рассуждать. Правда, на Уттхита Хаста Падангуштасане подскочила, как была, на одной ноге, словно мысль физически ужалила, и понеслась к телефону: номер бывшего мужа, вопреки опасениям, был на месте. Потными от волнения пальцами набрала — работает! — гудки.

— Мам, ты когда уже вернешься? — ответил вместо экс-супруга простуженный детский голос. Из-за хрипоты она даже не сразу определила, Джереми это был или Том. — Мы ведем себя хорошо, ты не забыла подарки?

Так, близнецы на месте, слава всевышнему, сумасшествие материнства не коснулось. Счастливая родительница пообещала скупить весь Рим, выяснила, чем лечат простуженное горло и как развлекают отца, после чего с поющим сердцем вернулась на коврик. Но настрой уже был не тот, тем более что показалось более важным провести ревизию в телефоне, так что завершающая последовательность вышла скомканной, а Шавасана сократилась до одной минуты вместо положенных десяти.

Папка контактов ничего нового не показала. Как у всякой домохозяйки, практически все контакты были личные, со всеми прослеживалась мемориальная связь, кроме нескольких воспитателей мальчиков и врачей. Этих Энни по именам никогда не помнила. Надо записывать не «доктор Муррей», а «гинеколог доктор Мюррей», напомнила она себе в который раз.

Большинство сообщений тоже коррелировали с имеющейся памятью, кроме нескольких — игривого свойства — от Майка. И половина фотографий были либо с ним, либо его (другая половина — детские), что несомненно свидетельствовало о ее пламенеющих чувствах. Джек был только на одной — снятой месяц назад на юбилее Майка — стоящие в обнимку друзья поднимают фужеры над праздничным — с цифрой «45» — тортом. Погладила пальчиком крошечную фигурку Джека, — тогда еще он был ее. На мегапиксельный дисплей шлепнулась прозрачной кляксой слеза.

Не реветь, — приказала себе Энни, выключила телефон и пошла прихорашиваться. Нюни распускать — это депрессует и вообще безыдейно. Следовало запастись терпением и оптимизмом и разведать как можно больше о ее теперешней жизни, чему римские каникулы располагали как нельзя лучше — в расположении имелись целых три носителя информации, у которых в планах на сегодня не значилось иного, кроме как бродить по живописным улочкам, делать шоппинг, пить аперитив и болтать.

Если оптимизм в течение променада, хоть и с трудом, но поддерживался на должном уровне (чему немало помогли новая сумочка от «Фэнди» и сложносочиненный ликерный коктейль), то

с терпением дела обстояли гораздо хуже — смотреть на милующихся голубков, один из которых был почти мужем, а вторая — почти сестрой, было чертовски мучительно. Но не смотреть — еще хуже.

Будто жестокосердный киномеханик крутил ручку киноаппарата, демонстрируя допотопный черно-белый фильм. Немой, на убыстренной скорости, где актеры бегают смешно-трагично и время от времени появляются интертитры. Вот прискакали пингвины перевалочкой на виа Кондотти. Надпись на экране буквами в стиле Вестерн: «Античное кафе Греко». Завернули, затолкали быстро-быстро пирожные в рот, залпом вылили следом кофе, вывалились, держась за крыльышки, обратно на улицу. Топ-топ-топ от витрины к витрине — три веселых пингвина и несчастный Чарли Чаплин с приклеенной улыбкой — это она, Энни.

Вот они смешной стайкой завинчиваются в древний храм (надпись «Пантеон»), вот кружатся хороводиком вокруг фонтана Четырех рек («пьяцца Навона»), вот к Чарли подбегает рыжий пингвин в сарафане и утаскивает его в недры очередного бутика. Только когда пакетов в руках у кавалеров было уже неудобное количество (у Джека в основном с мужскими, а у Майка — с детскими брендами), наконец пошли титры, и компания направилась на стоянку такси.

Но несмотря на невыносимые страдания, вызнать удалось много интересного. У мужчин намечался совместный проект — новый ресторан Майка.

— Никакого британского стиля и тяжелого дерева, — объяснял хозяин главному архитектору свою мечту. — Но и металлик не нужен. Света хочу — большие люстры, окна во всю стену, стеклянные лестницы. — И, поймав ее внимательный взгляд, с виноватой улыбкой: — Прости, малышка, опять мы о делах.

Джулия на рождество собиралась в Россию — рисовать деревеньки, крестьян и снег. Одной ей в подозрительную страну ехать не хотелось, поэтому она и уговаривала Энни прокатиться вдвоем:

— Все равно близнецы на каникулах у папы, а Москва, говорят, это новый Нью-Йорк!
Крестьян она, видимо, на Красной площади собиралась искать.

Надо сказать, будущее имело много общего с тем, которое «помнилось» в ее личном большом воображении, а вот в предыдущих сериях расхождений с имеющимся у Энни данными было полно. Например, оказалось, что Джулия вместе с Денди (а не с Майком, как должна) обитает в двухэтажном особняке на Виндмилл Хилл, доставшемся подруге от бабки, всего несколько месяцев. (А как же веселые вечеринки, устраиваемые подругами во времена студенчества?) До этого сладкая парочка разъезжала в основном по Америке, меняя местожительство в зависимости от заказов Джека (некоторые из них в прошлом сценарии имелись тоже — гостиница в Пало Альто и Школа искусств в Нью-Йорке, например).

Что же касается «межсемейной» истории, выяснилось, что судьбоносная встреча, превратившая нашу четверку в лучших друзей, произошла год назад, в Майами. Энни и Майк проводили там отпуск, а Джулия Харрисон — персональный вернисаж. Для американских ценителей ее фамилия была синонимом слова «лавизм». Громкий успех молодой художницы фигурировал и в галлюцинациях, вместе с коктейлем и восторженными критиками. Правда, там все уже сто лет как дружили, и они с Дэнди приехали специально, чтобы подругу поддержать.

Если честно, ей самой лавизм никогда особо не нравился — слишком много абстракции, на ее вкус, но Денди пребывал в трансцендентальном экстазе и без конца объяснял про какую-то возвращенную к фигуративу концентрацию первоформы и тому подобную белиберду.

Сейчас их с Джулией взаимопонимание виделось совершенно в другом аспекте. Будучи человеком искусства, архитектор Доэрти подходил ей гораздо больше, чем ресторатор Майк, пусть ловкий делец, но в плане тонких чувств немного примитивный. Да и Энни не могла соперничать с жрицей красок и холста, в жизни которой не было детей, зато было много оттенков, настроений и витаний в облаках. Она даже готовить не умеет! — подумалось с обидой. Майк любил повторять, что если б не он, Джулия бы круглосуточно питалась печенем и китайской лапшой. Только это было в прошлой жизни, мрачно злорадствовала бывшая невеста архитектора. Посмотрим, как она будет готовить Денди ужин из трех блюд! И тут же сдулась: уже готовит.

Из-за душевных переживаний мысли то и дело сворачивали на еду, но пингвины в преддверии шикарного ужина перебивали аппетит не желали, поэтому ей достался только салат, кусочек пиццы, два бутерброда с лососем и корзиночка черники (оливки и жареный арахис не считаются). А ждать действительно стоило — трапеза намечалась незабываемая — в поднебесном, во всех смыслах слова ресторане «Ла Пергола»: он находился на верхней террасе их отеля, и мог похвастать россыпью галактических и Мишленовских звезд. Столик, за которым и вид и кушанья на высоте, надо было заказывать за несколько месяцев, но поскольку главный кудесник заведения был давним приятелем шеф-повара Майка, компанию внесли в список богов всего две недели назад.

Боги появились ровно в 20 часов. Великан Юпитер в белом костюме и невероятно элегантный длинноволосый Аполлон-Денди. Черная шелковая рубашка с чувственными складками, узкие рисующие фигуру брюки, тонкие очки, усиливающие разрушительный эффект смеющихся глаз. Денди везде принимали за актера, особенно, когда он собирал свою угольно-блестящую гриву в толстый волнистый хвост. С Джулией они были почти одного роста, и следовало признать, ее фиолетовое платье, прекрасно контрастирующее с ярко-рыжей шевелюрой, еще более наводило на мысли о красном ковре. Надо было мне не это прозрачное надеть, — пожалела Юнона-поневоле, а то зеленое, с декольте!

Она вздохнула так шумно, что встречающий их метрдотель заметил с поклоном, что их столик — на открытой террасе — самый лучший. Он повел венценосную группу мимо круглых столов с трехэтажными скатертями, мимо роскошных букетов величиной с дерево в серебряных вазах размером с бочку, мимо старинных картин в витиеватых рамках, к другой, особенной, самой главной — от которой не оторвать глаз.

Вид был поистине завораживающий, даже больше, чем из номера, даже несмотря на то, что нельзя летать. Бесконечная вселенная с мириадами астероидов — окон, с планетами — подсвеченными куполами церквей, и с огромным величественным солнцем — Собором Святого Петра.

Остро захотелось обнять Денди и прошептать ему что-нибудь романтически-глупое, типа «ты для меня один во всей вселенной», но вместо этого пришлось наблюдать, как предатель-в-

неведении целует свою новую любовь. Хорошо хоть, шептаться не стал.

— Вот отсюда и смотрел на город Юлий Цезарь, — предположил, устраиваясь напротив Энни, архитектор. — И думал: надо бы расширить Большой Цирк, а вон там, чуть левее, построить Колизей, а возле речки так и просится замок. Но это подождет, — он засмеялся.

— Пару столетий всего, — подхватила Джулия, — и полторы тысячи лет до Святого Петра, — она с благоговением прикрыла глаза. — Раньше делать здесь было особо нечего.

С этим Майк был категорически не согласен. Он считал, что сауны с театром, гладиаторские бои и трапезы древних римлян, состоящие из дюжины блюд, были гораздо приятнее месс. Вспомнили про «хлеба и зрелиц» и решили, что человеческий род за тысячи лет изменился не сильно.

Наконец к ним на облако принесли еду. Что и говорить, это была достойная компенсация за пытки сегодняшнего дня. После нежнейшего карпаччо из тунца даже поцелуй проклятой парочки не казался таким уж иудиным. А когда во рту оказался тартар из омара с черной икрой и манго, промелькнула отчаянная мысль, что чудеса возможны и, глядишь, завтра опять вернется вчера. Тем более, что вдохновенный тапер на белом рояле наигрывал «Колесо судьбы».

От десерта все, кроме Энни, отказались, ссылаясь на набитые желудки. Она хотела попросить меню, но официант доложил, что ее кавалер уже о ней позаботился. И действительно, через несколько минут появился с большим подносом, накрытым баранчиком. И удалился, не открыв — для ресторана такого класса непростительная оплошность! Но не успела она додумать свое удивление, как Майк подхватил баранчик за серебряный завиток, открывая перед ней шоколадное чудо.

На темно-шоколадном ковре с брызгами кофейной глазури стояла, преклонив колено, фигурка из белого шоколада. В руках у нее было настояще с огромным бриллиантом кольцо. Под три карата, не меньше, пронеслось в голове. Все звуки стихли, как по команде — ни музыки, ни клацанья приборов, ни шепотка. Боковым зрением Энни видела восторженное лицо подруги, застывших гостей за соседним столом, сомелье с бутылкой шампанского в руках. Майк сидел красный как рак, только сжал замком побелевшие руки.

— Выйдешь за меня?

Как бы она хотела, чтоб эти слова сорвались с других губ! И чтоб другие, родные темно-синие глаза смотрели на нее в ожидании ответа.

Но вдруг вспыхнувшее запретное чувство к архитектору Доэрти — всего лишь мираж безумия? Ее реальность — вот она — Майкл Таллер, будущий муж. По щеке струйкой раскаленной лавы скатилась слеза. Кивнув, она прошептала «Да». Раздались радостные аплодисменты. Майк натянул ей на палец кольцо. Она подняла руку вверх, чтобы все видели, и еще раз, громко уже, согласилась: «Да!»

— Не-е-ет! — Пронзительный вопль вскочившей Джулии, казалось, оглушил весь город. Ресторан вдохнул-ахнул сотней женских голосов и выдохнул сотней мужских.

— Куда, шалава! — опрокинув фужер с вином, выбиралась из-за стола настоящая Юнона, яростно грозя сопернице кулаком. И тут же переключилась на Юпитера: — Ты что, с ума

сошел?

Майк сдвинул брови и сделался еще пунцовее, Джек, беспомощно моргая глазами, оцепенел с открытым ртом. К счастью, присутствующие не могли оторвать взгляда от взбесившейся Джулии, иначе кто-то обязательно бы заметил озаренное радостью лицо невесты. Но праздновать прибавление в полку невменяемых было не ко времени. Культурно-историческая мелодрама грозила превратиться в боевик.

Энни выпрыгнула навстречу воинственной фурии и, ловко перехватив запястье с вилкой (не зря она взяла несколько уроков калари паятту), три раза без остановки отчеканила, глядя в глаза: «Это все не по-настоящему, не по-настоящему, не по-настоящему». Как только мессадж дошел до мозга, поток проклятий иссяк, а рука, выпустив оружие, обмякла, Энни потащила подругу прочь от внимания публики, а главное, от десерта раздора. Запихнув растерянную Юнону в обитую бархатом уборную размером с небольшой конференц-зал, она захлопнула дверь и повернула ручку замка.

— Не понимаю, ничего не понимаю, — бормотала Джулия, расхаживая туда-сюда вдоль мраморных раковин. — Что происходит? Почему? Как не по-настоящему? Это какая-то глупая шутка? — голос с каждым словом усиливал громкость, грозя снова перейти на крик.

Энни в бешеном ритме перебирала подходящие слова. «Жизнь не такая, как ты думаешь». Тьфу, какая банальность. «Мы с тобой из другого сценария» — тоже не то, хотя и звучит интересно. «Память играет с нами странные игры», — подозрительно. «Добро пожаловать в клуб» — жестоко.

— Доставай телефон, — строго приказала невменяемая со стажем вновь прибывшей, — сама поймешь.

Девушка покорно открыла сумочку и вытащила зажатый между кошельком и пачкой сигарет аппарат.

— Иди в фотографии, — продолжала командовать Энни. Открыв чехол с репродукцией «Звездной ночи» Ван Гога, Джулия сделала несколько движений пальцем по дисплею и выронила айфон.

— Что это? — прошептала она со страхом и медленно приземлилась рядом, как сдувшийся воздушный шарик.

У Энни было несколько вариантов ответа (Копец / Это ты с моим женихом! / Черт знает что), но ни один из них не проливал свет на происходящее.

— Это твоя жизнь, которую ты не помнишь, — медленно проговорила первая жертва амнезии. И, подтянув обтягивающее платье почти до пояса, уселась по-турецки на паркет. — Главный вопрос — что ты, да — помнишь?

Вторая непомнящая нахмурила лоб.

— Чушь какая-то. Мы сидели в ресторане, Майк делал мне предложение, и вдруг — ты сидишь рядом с ним, с этим кольцом, — она осеклась. — Мы накурились, что ли? — спросила с надеждой.

Этот вариант, к сожалению, отпадал — Энни никогда не курила. И по поводу причин случившегося ясности внести не могла, только о следствиях. Быстро выяснив, что помнят обе

одну и ту же историю (за исключением сегодняшнего дня, прожитого хоть и похоже, но по-разному), перешли к текущему варианту, о котором Энни знала уже немало подробностей. Она честно делилась с подругой добытыми с утра разведанными, когда им помешал настойчивый стук в дверь. Мужчины хотели прояснить, что происходит (и эти тоже!) и главное, когда закончится (хотелось бы знать!)

— Все нормально, — прокричала веселым голосом Энни. — Мы скоро будем.

Джулия схватила ее за руку и отчаянно замотала головой.

— Точнее, лучше не ждите нас, — подкорректировала спикер, — идите домой. Мы попозже спустимся.

За дверью зашуршали.

— Джюлия, ты в порядке? — позвал озабоченно Джек. Волнуется, ревниво подумала Энни, раз перешел с ласковых прозвищ на имена. Предмет переживаний помалкивал, пришлось дать пинка.

— Да-да, только, кажется, слегка перебрала.

Поверить в такое могли только незнакомые с Джюлией личности, но ведь известно, что когда происходит нечто уму непонятное, всякое объяснение сойдет, даже далекое от истины.

Спровадив доверчивых половинок, дамы вернулись к своей непонятной ситуации, которой, к сожалению, адекватных объяснений не было.

— Я бы решила, что сошла с ума, если б не ты... тоже, — рассуждала вслух художница. — Слава богу, что ты со мной! — она подползла к подруге и прижала к себе. — Вдвоем мы что-нибудь придумаем! Главное, что мы вместе!

Энни с этим была абсолютно согласна. Двое — это тебе не один. С того самого момента, когда храбрая защитница любви бросилась в бой, Энни испытывала неимоверное облегчение. Наконец-то есть кто-то, с кем можно поговорить, рассказать.

— Знаешь, как было страшно, — поделилась наболевшим она. — Мне вообще поначалу казалось, это сон! Кошмар, точнее. Думала, утром закончится, а нет — продолжается, еще пуще прежнего!

Джулия отстранилась и в упор уставилась на первую жертву кошмара:

— Так у тебя это еще со вчера? И ты молчала?? И ты... ночевала с Майком??? С моим Майком????

Выражение лица, уже виденное совсем недавно в ресторане, сделалось еще выразительней. Руки сжались в кулаки. Сейчас ударит, — подумала Энни и мужественно решила не сопротивляться. Но Джюлия только плонула, попав на руку с бриллиантовым кольцом, попятилась к двери, прижалась к деревянной резьбе спиной, как будто это на нее нападали.

— Мы не подруги больше, — проговорила глухо, но в огромной уборной слова резонировали как в микрофоне. — Ты мне теперь никто, ясно?

Отворила замок и не оглядываясь, вышла. Энни некоторое время сидела неподвижно, потом, наконец, поднялась и подошла к умывальнику. Подставила руки под холодную струю и подняла глаза. Совесть в зеркале только покачала головой.

Майка она нашла сидящим на террасе, в компании сигары и бутылки виски. Мятый пиджак был перекинут через спинку кресла, туфли с длинными носами стояли под стеклянным столиком, на котором возле незажженной свечи лежала бархатная коробочка от кольца. Он повернул голову на звук открывающейся двери, но ничего не произнес. Ее взгляд скользнул с серебристого ежика волос по мускулистой шее в вырез растегнутой рубашки, на татуировку в форме креста, совсем уже не чужую. Бедный, он ведь ни в чем не виноват.

И совершенно не важно, что будет завтра, сейчас требовалось хоть как-то его утешить. Энни уселась в соседнее кресло и, глядя на мерцающие внизу огни, улыбнулась:

— Зато это было незабываемо. (Насчет забвения теперь не надо зарекаться...)

— Угу, скажи еще — мы будем над этим смеяться, когда-нибудь, — вздохнул Майк. — И завтра будет новый день.

Она погладила его руку.

— Завтра — новый день (что он нам принесет вот только?)

Майк потянул ее и пересадил к себе на колени. Минута или две прошли в молчании. Он вдохнул глубоко и с шумом выдохнул.

— Главное, что ты будешь со мной, малышка. Всегда.

— (Не дай бог) Конечно.

Запиликавший в клатче телефон прервал нарождающуюся идиллию. Ночные звонки, как известно, плохие вестники. Майк приподнял брови — кто в такой час?

— Это Джуллия, — извиняющимся голосом сообщила Энни, глядя на дисплей. — Пять минут, хорошо?

По его лицу было ясно, что ничего хорошего, но он все-таки поднялся и, прихватив бутылку и стакан, зашел в номер. Девушка задвинула за ним стеклянную створку и лишь тогда нажала «прием».

— Я тебя не прощаю, — зашипела в ухо Джуллия. В трубке шумел ветер — она была на соседнем балконе, но голос через толстые перегородки не проходил. — Просто ради общего дела предлагаю временно объединить усилия.

Энни «объединить» была — за, хотя и плохо представляла, что это за общее дело такое. Джуллия приступила к разъяснениям:

— Я тут подумала — в нашей памяти все наоборот, так? Ты любишь Джека, а я Майка, правильно? Но главное — они тоже любят нас наоборот, понимаешь? У нас и тут и там все взаимно. О чем это тебе говорит?

— (Повезло / Чудеса случаются) Ни о чем.

— Это доказательство того, — Джуллия сделала многозначительную паузу и победно закончила: — Что рано или поздно мужики тоже «проклюнутся»! То бишь вспомнят, с кем они на самом деле должны быть.

Имелась определенная логика в ее словах, не могла не согласиться Энни. Более того, собственный и подругин опыт подсказывал, что когда проклюнутся, ведь и помнить ничего не

будут об текущем положении вещей. Перед глазами вместо ночного Рима живо возник автомобильный салон. Если б не ползающая по колену рука Майка, ей бы и в голову не пришло, что что-то не так. Но если бы руку протянул Денди...

— Надо вести себя наоборот, — пробормотала озаренная Энни, не замечая, что отщипывает лепестки у цветущих в горшках ноготков. — Как будто так и надо.

Джулия была единственным на свете человеком, способным правильно интерпретировать этот сумбур:

— А я про что! Они очнутся, так сказать, ото сна — а мы тут как тут, в правильном распределении.

Ничего не скажешь, идея был гениальной и, как всякое гениальное, простой. В этом гладком, словно море в штиль, плане торчала только одна скала-загвоздка — как поймать момент, когда это произойдет? Энни от разочарования отломила уже лысую головку у цветка и запульнула в звездную ночь.

По этому вопросу у художницы-гения имелось логичное предположение.

— Если я проснулась, скажем так, с опозданием на день, то значит, хотя бы один из них «отморозится» завтра.

— Даже если так, что мы со вторым будем делать? — возразила Энни.

Джулия шумно вздохнула. Было слышно, как щелкнула рядом с динамиком зажигалка. Нос уловил ментоловый дым. На соседнем балконе думали. На этом — распотрошили еще два цветка.

— Вариант только один. Надо поменяться до этого. Будем делать свинг.

— Чего-о-о???

— Ничего другого не остается. Скажем, что всю жизнь мечтали и, пожалуйста, только один раз, — тараторила Джулия, казалось, прямо в мозгу, — и как удачно, что мы далеко от дома — и это прекрасно, что мы лучшие друзья, с чужими бы мы — ни за что...

Энни молчала. Единственной мыслью было, что этого она Джеку точно никогда не простит. Словно прочитав ее думы, Джулия продолжала убеждать:

— Завтра это их решение сотрется из памяти вместе со всем остальным! Мы с тобой, конечно, не забудем, к сожалению, но мы же женщины, мы сильные, переживем! Тем более, ради благой цели! Тем более, что технически никакой изменения нет!

Боясь, что сейчас разговор примет неприятное направление, Энни торопливо проговорила:

— Не думаю, что Майк согласится. Тем более ... (что он делал предложение!!! После того, что ты ему устроила!!!) ... сегодня. — Никаких взрывоопасных слов допускать было нельзя.

— Уговоришь как-нибудь, невесте не откажет, — с издевкой процедила Джулия. И добавила, прежде чем разъединиться. — Ты мне должна.

Энни с тоской посмотрела на погаснувший дисплей в одной руке, ежик лепестков в другой и перевела взгляд на огромное — во всю стену — окно-дверь, за которой, уже без рубашки, но еще в штанах, лежал на кровати Майк. Было неясно, что он делал быстрее — переключал каналы в телевизоре или подносил стакан ко рту. Идея предложить ему свинг была очень так

себе, но других все равно не было.

Энни подошла к нему, присела рядом и, поглаживая пальцем волосатую грудь сообщила, что подруга пришла в себя и сожалеет о случившемся. Что у женщин иногда такое бывает в самый неудачный момент. И что Джуллия ей как сестра, для которой ничего не жалко. Как не пожалел бы ничего для Джека Майк, так ведь? Майк сфокусировал взгляд и улыбнулся:

— Иди ко мне!

Пришлось отложить уговоры до лучших времен. Энни поцеловала великана в живот и потащилась в ванную комнату на свидание с совестью. А когда уже почти с ней договорилась, пришел СМС от бывшей лучшей подруги: «Джек не против, если все согласны». И все.

В груди как-будто раскрыл иголки еж и шевелил ими при каждом движении. Больно было все, даже дышать. Как будто бы то, что случилось до сих пор, происходило не совсем с ней, а с кем-то другим на широком экране, а теперь неожиданно включили неподвластные киноиндустрии ощущения: запах лаванды, пульсирующая вена на виске, тяжесть в ногах. Этот фильм не выключишь, не сотрешь. Надо держаться — повторила себе Энни, и, вытирая немые слезы, полезла в душ. Завтра ведь будет новый день, правильно?

Пока искупалась, пока успокоилась, когда вернулась в спальню, Майк уже спал. Она высвободила полупустой стакан из его пальцев, выключила телевизор, стащила брюки и накрыла храпящего мужчину простыней. А сама еще долго не могла заснуть, свернувшись калачиком на самом краешке постели, таращась через панорамное окно на звездное небо.

Казалось, она провалилась в небытие секунду назад, глаза открывались с трудом, как будто раздвигали магниты. Потом поняла-услышала: стук в дверь, отрывистый, безумный. Выпростала из под подушки левую руку — 7.43.

— Щас я с ней разберусь, — рыкнул Майк и тяжело спрыгнул с кровати, — подруга, мать ее.

Энни закрыла глаза, как будто хотела спрятаться от того, что сейчас будет. Но вместо Джуллии с порога влетел голос Джека.

— Не п-помню, что случилось! Но ничего не было — не могло быть! П-послушай, она даже одета, п-просто спит!

Денди, когда нервничал, немного заикался — только на букве «п».

— Майк, ты должен мне верить, слышишь! Я не п-понимаю, как она оказалась там!

Неужели? Не понимает, как Джуллия оказалась в его комнате? Вылупился? Ура! Только теперь опоздали меняться, кажется. Энни села на кровати, а то из-за угла был недостаточный обзор. Спиной, уперев руку в дверной косяк, в одних трусах стоял Майк, за которым просматривалась босая, но одетая в футболку и джинсы, родная фигурка.

— Вот ты где! — обрадованно воскликнул Джек. — Детка, я не виноват! Я люблю только тебя... А что ты здесь делаешь? Голая?! — добавил изменившимся тоном и в это же мгновение упал — Майк коротко, без замаха, двинул кулаком в красивое лицо.

Вскрикнув, Энни закрыла руками рот. Она хотела побежать к Денди, но вместо этого

замерла, беспомощно пялясь в проход, где Майк, бормоча ругательства, выволакивал поверженного архитектора в коридор. Через несколько секунд все закончилось — в проеме появился победитель и громко хлопнув дверью, повернул замок.

— С ума посходили, оба, — он разглядывал разбитые в кровь костяшки пальцев. — Малыш, у нас есть бинт какой-нибудь?

Энни, глядя в пол, посеменила за аптечкой. Следовало выбрать верную линию поведения, пока последний непроревший элемент не наделал дел. Не считая уже свершившегося побоища, имеется ввиду. Самым логичным было просто ждать — предположительно, недолго, раз уже третий товарищ «отдупился». И лучше предаваться ожиданию в каком-нибудь общественном месте, чтоб не получилось, как с Джеком — проснулся, а в постели сюрприз. Поэтому, закончив с раной, Энни от опасного места немедленно удалилась под предлогом йоги. Лелея тайную надежду, что по возвращении из тренажерного зала ей откроет дверь уже другой (точнее, чужой) Майк. Она даже мысленно отрепетировала, как она скажет ему, что ошиблась номером и побежит с радостной вестью к соседям, восстанавливать порядок вещей. Хеппи энд представлялся настолько живо, что она даже расстроилась, когда просмотренный сто раз за время тренировки эпизод заменился короткой запиской: «Жду в лаундже, М.»

Ну и ладно. Энни побарабанила в соседнюю дверь, но напрасно — видимо, сообщников не было дома, поэтому, наскоро приняв душ и переодевшись, она поспешила на седьмой этаж.

Лаундж был похож на лабиринт с тайными заворотами: в одну сторону — изогнутые барные стойки с деликатесами на подносах толстого стекла, в другую — книжный шкаф на фоне зеленых с золотом обоев, изогнутоспинные стулья вокруг больших колченогих столов, полосатые диваны, окружившие маленькие столики, и везде — лампы-фонари, зажженные несмотря на ранний час. Стенки у лабиринта отсутствовали, если не считать толстые колонны, на которых висел белый, довольно низкий потолок. Майка нигде не было. Она прошла по направлению к солнечной террасе, разделенной зеркальными перегородками на отдельные купе-балконы. Раздвигая массивные шторы, Энни заглядывала в каждый, пока в последнем не обнаружила, наконец, Майка. Он сидел, откинувшись на спинку кресла и сложив руки на груди. Справа от него, в шифоновой блузе-кармен, очень прямая, сидела Джулия, а напротив — разделенный длинным столом — опальный друг. Левый глаз в фиолетовой лунке заплыл, бровь наискосок перекрецивал пластирь, на губе набухал кровоподтек.

На столе, кроме слишком большого количества чашек с кофе, стояла хрустальная пепельница с несколькими тонкими окурками и одним толстым — от сигары. Сидят, наверное, с час — определила Энни, — делятся впечатлениями. Все живы — значит, Майк проклонился.

— Привет всем, — весело сказала она и направилась в Джеку. Господи, как же она по нему соскучилась, не смотря ни на что.

Молниеносно, словно язык лягушки за мухой (только в сто раз крупнее), конечность Майка вылетела к ней, схватила за руку и чуть не вывернув запястье, дернула к себе. Она упала на свободный стул между ним и Джулией и беспомощно подняла глаза.

— Это правда? — выпятив подбородок вперед и раздував ноздри, спросил ресторатор. И

хотя его голос был лишь немногим громче обычного, Энни он показался громовым.

— Что? — главное, оттянуть момент. Энни вообще плохо переносила крики, поэтому всяческих выяснений отношений и прочих разборок всегда старалась избегать. На море ее личной жизни, за исключением мелких брызг, всегда царил штиль. Теперь же явно намечалась не просто буря, а прямо-таки конец света.

— Что ты любишь Джека.

— Нет, — голос был тонкий, как писк. Она вдохнула побольше воздуха и зажмурилась. — То есть да.

Гром вопреки ожиданиям не грянул. Она почувствовала, что Джулия ободряюще положила ей руку на плечо, и разомкнула веки. Джек улыбнулся, как мог, половиной рта, но попытка встать не делал. Сказал спокойно, глядя Майку в лицо:

— Мы все трое — из другого мира.

Глаза у Энни так и поползли на лоб.

— Джек считает, что есть две параллельных реальности, — поспешила объяснить подруге Джулия. — Одна здесь, в которой ты с Майком, а я с Джеком, а другая — там. И там с Джеком ты, а я — с Майком. — На последних словах голос ее заметно потепел. — Каким-то образом наши тела или души оттуда переместились сюда. Причем два этих мира так похожи, даже не сразу и понятно, где находишься. Ты думаешь — ты там, а на самом деле — ты здесь.

Майк сидел с выражением лица, с которым смотрит директор психушки на своих подопечных.

— Где это там? — неуверенно спросила Энни, ощущая себя одним из этих подопечных.

— В параллельном мире, — твердо сказал Джек. — Мы выяснили, что живем там совершенно параллельно — и сейчас тоже в Риме, в той же гостинице, даже в тех же номерах! Единственное расхождение с этим миром, — он показал указательным пальцем куда-то вниз, — это наши пары. И все, с ними связанное, конечно. Например, в том мире я вожу твоих детей на футбол по воскресеньям, а Майк приобрел для Джулии лофт под мастерскую.

Теория Джека казалась Энни все менее странной, тем более, что воспоминания о том мире у нее были идентичные. И вообще, когда Денди говорил, становилось понятно, что все именно так и по другому и быть не может. А что Майк качает головой из стороны в сторону — так это из-за того, что он еще здешний и ту жизнь совершенно не знает. Пока.

— Но в какой-то момент между мирами произошел обмен, — продолжал любимый. — Нечто, принадлежащее тому миру, переместилось сюда, и то же самое, зеркальное, нечто отсюда улетело туда. Я полагаю, что это наши души. Представь себе два дома — белый и красный, из каждого вынь несколько кирпичей и вставь на то же место в другом здании. Это то, что произошло.

С наглядным примером стало понятнее, непонятно было только, зачем вообще эти кирпичи менять?

— О причинах необыкновенного катаклизма мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Мы ведь в данном случае кирпичи, а не строители. Тут вообще масса интересных вопросов: например, почему именно эти кирпичи? Возможно, мы такие не одни и у нас получится отыскать

подобные случаи в интернете или в отделе X-files? Не думаю, что мы являемся объектом какого-то эксперимента, но теоретически такую возможность отметать нельзя. Интересно также, почему обмен кирпичей происходит не одновременно, а по очереди, по кирпичику. Возможно, все дело в цементе, в эмоциональном смысле, конечно, между нами четырьмя. Конечно, это если допустить, что последний... кирпич тоже поменяется, в чем лично я ничуть не сомневаюсь — надо просто подождать.

— Или первые трое поменяются обратно, — металлическим, гулким голосом заявил Майк. И передразнивая Джека, скривил лицо: — Может, надо просто подождать. А чтобы время скоротать, заглянем к мозгоправу, как знать, может у него в практике встречались похожие случаи. — Он встал. — Пошли, Энни. Мы возвращаемся в Лондон.

— Но...

Взгляд Майка был — смесь сожаления то ли с жалостью, то ли с грустью.

— Ломать — это кажется легко, а потом не исправишь. Да не бойся, не съем я тебя. По крайней мере пока дурь не выветрится. Увидишь дом, детей, глядишь, мозги на место встанут.

Энни поднялась и, ни на кого не глядя, быстро вышла в открытый ресторатором проем. Связываться с великаном смысла не было — во-первых, это ненадолго, чудесное превращение должно было случится буквально в считанные часы, максимум — дни. Во-вторых, близнецы. Судя по всему, они маминым мужем считают Майка, и предъявлять им резко другого претендента на роль было никак нельзя. Детская психика — дело тонкое, надо все обдумать и сделать правильно, даже лучше проконсультироваться со специалистом. Чему Майк, несомненно, будет страшно рад. И в-третьих, если честно, уже очень хотелось есть, но этого аргумента точно бы никто не понял.

Безошибочно выбрав кратчайший путь через лабиринт, она вышагивала между вымуштрованными официантками с вычурными бейджами, седыми джентльменами в обтягивающих морщины поло и дамами в закрывающих выражение очках. Казалось, все смотрят только на нее, но на самом деле на нее смотрел только идущий в фарватере Майк. Она подошла к лифту, нажала на кнопку и подошла близко-близко к сомкнутым позолоченным дверцам.

— Я люблю тебя, Майк! — раздался за спиной надрывный голос. Энни обернулась, но Джулия была одна, без Джека. Она стояла вытянувшись, приподняв голову, только опущенные руки теребили края юбки. Глаза под взлетевшими бровями смотрели только на Майка. — Люблю так, как никого не любила — ты для меня и муж, ребенок, и нежность, и боль, и судьба, ты — мое все! Жди со мной! Я знаю, ты пока другой, но я готова принять тебя даже таким, я буду очень терпеливой, очень понимающей. Давай вместе ждать, когда придет мой, настоящий Майк.

Она сложила в умоляющем жесте руки. Ресторатор смотрел на нее молча, не отрываясь. Джулия, не двигаясь, ждала. Двери подъехавшего лифта почти бесшумно открылись. Майк покачал головой и, пропустив Энни вперед, шагнул в кабину.

— Ты вернешься ко мне в конце концов, я знаю! — все еще не веря, что он уходит, прорыдала Джулия. — Но каково мне будет знать, что сегодня ты выбрал ту, которая тебя даже

не любит!

— Я выбрал ту, которую люблю, — донеслось из закрывающихся дверей.

Поздний завтрак, или уже ранний бранч, Энни решила заказать в номер — и чтоб не нервировать не желающего отдуваться Майка, и еще потому, что даже случайно видеть никого не хотелось. Не хотелось никому ничего объяснять и доказывать. Майк позвонил секретарше и велел поменять билеты. От еды он отказался, взял водку из минибара и сел к компьютеру. Она почла за лучшее не мешать.

Наконец принесли заказ — омары в апельсиновых дольках, лосось с сельдереем и фенхелем, двойной салат, бокал ледяного «Совиньон Блан» и десерт. Посыльный в форменном одеянии сервировал стол и удалился. Предвкушая резкое улучшение собственного эмоционального состояния, она расстелила на коленях салфетку, из которой вдруг выпорхнул на пол листок с гостиничной эмблемой. Такие отрывные листки были в блокноте, какие кладут в каждый номер. Почерк — стоячий, с длинными палками «б» и «у» был ей слишком хорошо знаком, поэтому прежде, чем поднять письмо, она убедилась, что Майк по-прежнему смотрит в экран.

«Энни, душа моя! — начиналось контрабандное послание. — Маленькое мое сердечко! Мне столько надо тебе сказать, но ограничусь главным: мы с тобой любим друг друга и не должны страдать из-за того, что Майк не желает верить в происходящее. Это неправильно и неконструктивно! Предлагаю уехать — ты и я — в Тоскану или на Амальфи, куда захочешь! Самолет через три дня, так давай проживем их вместе! Жду тебя в машине за воротами отеля, приходи скорее! Твой и только твой Денди».

Энни даже на минутку представила себе каково это — выйти из номера, пройти по заглушающему шаги ковру до лифта, ждать с колотящимся в горле сердцем, когда он придет, сдерживая себя, чтоб не побежать, пересечь журчащий фонтаном садик и подойти, улыбаясь, к стоящему с пассажирской стороны машины Денди — он всегда открывал перед ней дверцу. И тут, конечно, нужен поцелуй — долгий, прощающий, обещающий... Эх!

Жаль, ничего не выйдет. Ну, не может она вот так сбежать. Джуллия смогла бы, а она — нет. Джек сам говорил — ей по жизни нужен был командир. Тот, кто решает. Тот, кто берет ответственность. И сейчас это был Майк.

Убеждая себя таким образом в правильности своего поведения, Энни подчистила все тарелки и даже умыла целый тирамису, хотя собиралась только половину. Она не виновата — очень уж было вкусно. Напоследок кинула в рот несколько кешью из личных запасов и пошла собирать чемоданы — Майк объявил, что самолет через четыре часа. Упихивая кое-как вещи (все равно же в стирку), позвонила ребятам — обрадовать, что уже вечером сможет их забрать. Ну, или обрадовать папу. Но оказалось, что на вечер запланирована пижамная вечеринка с участием приятелей из сада и — мама, ты не представляешь! — настоящего клоуна! Сошлись на том, что сегодня мама должна только завезти подарки. Хотя бы один. Каждому.

— Дождаться не могу, когда их увижу! — с душой высказалась Энни вслух. Майк

усмехнулся и подошел закрыть чемоданы.

А когда выезжали на такси из отеля, она увидела снятый джип — действительно стоял за воротами — и быстро отвела глаза. Майк тоже его заметил, посмотрел на нее как-то странно, но ничего не сказал. Он вообще все время почти молчал. Рот открывал лишь когда требовалось сказать что-то необходимое, типа сообщить, что пошел в курительную комнату аэропорта, или спросить, нужны ли Энни деньги на дьюти-фри. А когда ловил ее взгляд на собственной персоне, огрызался раздраженно: «Это все еще я».

Помягчел только в самолете, и то не сразу. Туристичность была такая сильная, что Энни в какой-то момент вцепилась в него и заплакала от страха. Вот тогда-то он и разговорился, ее успокаивая, даже поцеловал. А она подумала, что если бы никто, кроме нее, не поменялся, она бы, пожалуй, могла бы быть счастлива с Майком. Не сейчас, со временем, конечно, но все равно — могла.

Вот и прилетели. Металлический «Хитроу», показавшийся уютным и родным, напоил нормальным чаем и выпустил в моросящий летний дождь. Они поймали всего пару капель, но все равно это было словно «Добро пожаловать домой». Как же было здорово забраться в просторный, строгий кабинет, особенно после дребезжащих коробок, которые в Риме называют «такси». Как здорово слышать лондонский выговор водителя, здорово увидеть знакомые до каждого светофора улицы и наконец, гордо смотрящий на Риджес Парк, свой дом. Открыли дверь — такой знакомый, усиленный герметизацией запах — ваниль и яблоки, она постоянно зажигала ароматизированные свечи.

Все было настолько обыкновенно и нормально, что даже подумалось — а вдруг она-таки вернулась назад — в тот мир, где они с Майком вместе? Но нет — было непривычно и странно видеть его, заходящим в спальню, и открывающим холодильник, и вынимающим чистую рубашку из Дендиного шкафа. Не говоря уж про обнаруженную в гостиной электрогитару, которой отродясь в доме не было.

Майк, видимо, правильно интерпретировал ее замешательство и повез ужинать в свой ресторан. Трапеза предполагалась с двойным терапевтическим эффектом — от вкусных блюд и от привычной обстановки. И то и другое подействовало, надо признать.

Энни в этом ресторане знали все — она часто показывалась там то в компании Джека, то в обществе любимой (теперь уже видимо, бывшей) подруги. Официанты в черной униформе с вышитой туркизом буквой «М» (от названия — Мэндис) приветственно махали рукой, кивали и целовали в щечку. Она тоже знала многих по имени. Знала каждый деревянный стол в центральном зале, каждый узор мозаичной стены, каждый светильник над расположившимся по центру баром. Но лучше всего, наизусть — знала меню. Сразу заказала спаржу в голландском соусе, горячие брокколи и свекольный салат, поколебалась недолго между лакедрой и тунцом, в итоге выбрала лакедру. В качестве основного блюда остановилась на королевских креветках, а вместо десерта (помня о пригрешении с терамису) взяла фруктовый микс. Без клубники только, ну, это они сами знают.

Майк ел быстро, жадно, вращая головой по сторонам. К их столику подходили

поздороваться знакомые, три раза пришвартовался и пошептал что-то на ухо начальник смены, звонил беспрерывно телефон. Хозяин заведения никогда не сможет наслаждаться едой в полном объеме, — как-то объяснил ей Джек, почему друг предпочитал встречаться с ними в других местах. — Всегда нужен глаз да глаз, чтоб заметить, где что не так. Но сегодня было известно, где не так. Непонятно, как исправить. Последнее средство, на которое Майк возлагал самые большие надежды, ожидало в Хемпстеде, точнее ожидали — два белобрысых и худеньких, в маму, шалопая с вечным двигателем в одном месте, это уж не ясно, в кого.

— Добрый вечер, миссис Мартинс, мистер Таллер, — дверь открыла Ненси — пухленькая румянолицая домработница в розовом платье с кружевным фартучком. От бывшего Энни знала, что это форменная одежда агентства. Он и ее агитировал взять помощницу, расписывал, как чудесно изменится ее жизнь, но она даже представить не могла, что кто-то чужой будет заправлять у нее дома. А в жизни и так сплошные чудеса.

— Детки наверху, вместе с папой и клоуном, — доложила девушка. — Сейчас позову.

Но звать не понадобилось — прыгая через две ступеньки, словно кенгуруята и визжа, как две сирены «Мама-а-а-а!!!» в прихожую влетели монозиготные братья. Впереди, как всегда, Джереми, в пижамке с суперменом, за ним Том — с Королем Львом. Веди они себя потише и помедленней, их можно было бы принять за ангелочков — круглые глаза с длинными ресницами, курносые носы, белоснежные кудряшки.

— Маленькие мои, соскучились! — Энни присев на корточки, принялась их тискать и целовать, бормоча нежности. Недолго — Джереми завопил: «Дядя Ма-а-а-айк!!!» и ринулся к великому, Том, конечно же, тут же последовал примеру брата. Довольный ресторатор послал мамаше долгий многозначительный взгляд. Вот, мол, сама видишь, какова действительность, а все остальное — иллюзии и бред.

Ненси осведомилась, что господа желают пить и где будут ожидать мистера Мартинса — в гостинной или в кабинете? Они решили не пить и не ожидать и, вручив анти-ангелочкам два первых подарка — радиоуправляемых летающих надувных акул — и пообещав забрать их завтра утром, стали прощаться.

— Мы только до машины проводим, можно? — заканючили близнецы и схватились маленькими ладошками-клешнями за мамины ноги. Руками мама открыла дверь. И первое, что она увидела — это припаркованный возле их «Навигатора» черный «Лексус» Джека. Второе — его хозяина, вылезающего из-за руля.

— Дядя Джек! — радостно завопил Том, углядевший гостя первым, Джереми ушел в ультразвук и, словно спринтеры с низкого старта, они понеслись к архитектору.

Надежда была только, что при детях смертоубийства не произойдет.

— Дядя Джек, что это с тобой случилось? — надавливая маленькими пальчиками на раны, спросил с правой руки Джереми.

— Итальянская мафия! — Джек поймал губами его палец и не выпуская, зарычал. Мальчик тут же засиялся колокольчиковым смехом. Том, сидящий на левой руке, обнял комиссара Катанью за шею:

— Тебя надо полечить, дядя Джек, мы завтра вернемся домой, и будем делать тебе

полоскание и чай с малиной, хочешь?

Брат опять зафыркал:

— Ты все путаешь, Томми! Дядя Джек больше не живет с нами.

Джек часто-часто заморгал, и медленно спустил обоих на землю. Приближающаяся мама остановилась как вкопанная. Дядя Майк медленно, тихим голосом спросил:

— В каком смысле, Джереми?

Видно было, чего ему это стоило.

— Вы глупые какие! — махнул рукой ангелок. — Дядиджекина очередь прошла, вот он и ушел. Сейчас Дядимайкина очередь!

— Сам ты глупый! — стукнул брата второй херувим. — Мам, скажи ему-у-у!!!

Матери готовы ко всему, поэтому реакция у них быстрая. Она схватила сыновей за крылья и повела к стоящему в дверях розовому силуэту, уверяя, что акулы улетят обратно в Рим, если кто-то здесь будет плохо себя вести. Пока шла эти семьдесят метров, боялась обернуться, но когда дверь за малышами закрылась, пришлось. Один курил, облокотясь на «Лексус», другой прохаживался мимо с телефоном в руке. Обратно ползла, как по болоту — ногу за ногу, ожидая худшего.

— Это Джгулия, — объявил Майк, засовывая телефон в карман. — Она нашла какого-то профессора, Рок фамилия, который, кажется, с нами знаком. Короче, ждет прямо сейчас. — Он вздохнул. — Всех — она три раза повторила.

Джек сморщил лоб и вытащил кошелек.

— Рок... Рок... Где-то я уже... Ага! — Он помахал визиткой. — Во! Доктор Рок, психотерапевт, психиатр. Карточка не новая — раз он теперь уже профессор. Телефон, адрес, Уэллс стрит. — И закончил растерянно: — Понятия не имею, кто это. А вы?

Энни вспомнила, что видела это имя в телефонных контактах, Майк просто пожал плечами.

— Ты его не знаешь? — подскочил к нему Джек. — Но это же все меняет! Это не вписывается в теорию параллельных миров! Если мы его не помним, то ты абсолютно точно должен его знать!

— Отстань, а? Поехали уже. — Майк развернулся и пошел к своей машине. — Какой там адрес, говоришь?

— 14, Уэллс Стрит, — упавшим голосом сообщил Джек, провожая Энни глазами.

Клиника профессора Рока находилась в отреставрированном викторианском здании с множеством темных окон на обоих этажах. Горело всего пять или шесть, немудрено — время-то уже четверть одиннадцатого. Они поднялись на крыльце и позвонили в домофон. Скрипучий женский голос велел пройти по коридору направо до конца. Там, в просторной приемной Джгулия истязала вопросами очкастую секретаршу. Судя по радости от вида вновь прибывших, секретарша уже была на грани, за которой кончается вежливость. Она отвела их на второй этаж, запустила в пустой кабинет без таблички, и пообещав, что профессор будет через несколько минут, удалилась. Судя по стуку каблучков, бегом.

Энни ожидала увидеть кабинет из «Психоаналитика», или хотя бы из «Умница Уилл

Хантинг», но помещение больше напоминало пустой библиотечный зал — от пола до потолка полки с книгами, между которыми устроились портреты в рельефных рамках и светильники, распыляющие неяркий желтый свет. За огромным — почти во всю ширину стены — столом темного дерева возвышалась спинка современного ортопедического трона — буквой «Т». На столе стояли только стопка стаканов и графин. Рядом у окна друг на друге сгрудились стулья — в помещении недавно помыли пол.

Расселись так: Энни с правого краю, рядом Майк, место возле него заняла Джулия, а Джек, постояв секунду со столом в руках, взял и перенес его на другой конец. Уселся с Энни почти вплотную. Майк нахмурился, но протестовать не стал. Или не успел — появился профессор Рок.

Он вошел в кабинет упругой, но не резкой походкой и вместо того, чтоб сесть за стол, слегка присел на него со стороны нахолившейся кучки посетителей. Он создавал впечатление прямоты и правильности, то ли из-за ровно остриженных прямых волос орехового оттенка, то ли из-за бороды «коробом», то ли из-за серого в цвет брюк шелкового жилета. Единственное, что противоречило этой ровности — это закатанные рукава светлой рубашки, и может, еще глаза — треугольной формы, как будто он все время прищуривался.

— Хм-м. Четверо, — сказал он себе, соединив в шар короткие пальцы. — Ну что ж, добрый вечер, господа! Меня зовут профессор Харольд Рок. Я несказанно рад нашей очередной встрече. Все ли вы уже трансформировались? — спросил, обводя взглядом полные подозрения лица.

— Он — нет, — наябедничала Джулия, указывая на Майка.

— Значит, вы единственный, кто может поведать мне, как прошли эти — он сверился с принесенной распечаткой — пятнадцать месяцев. Прошу.

Но Майк не торопился делиться сакральным знанием.

— Я бы раньше желал знать, что происходит. Почему вы меня знаете, а я вас — нет? И по-видимому, остальные не знают тоже.

— О, вы совершенно правы, господин Таллер, ваше желание вполне резонно, и я немедленно его удовлетворю. — И добавил вполголоса: — пожалуй, пора записать видео, это сократит прелюдию в следующий раз. Извольте.

И рассказал следующее. Они переступили порог его кабинета первый раз восемь лет назад. Утверждали, что являются жертвами секретного эксперимента или даже гражданами другого измерения. Не все утверждали, конечно, только некоторые, — он улыбнулся Джеку и тут же отвел глаза. — Вы требовали проделать анализы, но ни МРТ, ни замеры электробиомагнитного поля ничего из ряда вон выходящего не установили. Со своей стороны я провел многочисленные тесты — и не обнаружил никакой «клиники».

— Чего? — не понял Майк.

— Психологически вы все абсолютно здоровы, даже завалявшего невроза, и то нет, — успокоил психотерапевт.

Сначала он подозревал замещающую конфабуляцию, при котором пациент достраивает пробелы в памяти вымышленными событиями. Потом криптомнезию — это когда невозможно припомнить источник информации и начинаешь чужие слова и поступки воспринимать, как

свои. Думаешь, что сочинил песню, а на самом деле просто где-то услышал. Уверен в том, что приобрел машину, хотя на самом деле новым автомобилем хвастался сосед. Близкие друзья — плодороднейшее поле для эмоционально-ролевой путаницы.

— Есть только одно, но зато большое «но», — профессор вздохнул, — ни криптомнезия, ни конфабуляции не бывают массовыми.

Он недолго задумался, словно перепроверяя в голове — точно ли не бывают. Жертвы неизвестного недуга напряженно ждали следующего приговора. Но приговор наличествовал лишь в теоретической форме. Выяснилось, что пациенты продолжать исследования не позволили. К огромному сожалению профессора Рока и вообще всей мировой психологии. Заочно. А могли бы войти в анналы истории как первые обладатели феномена Рока (как несомненно нарекут данное явление коллеги) или, как называл его сам первооткрыватель — феномен *l'autre vu*. Другое видение, если перевести с французского. — Измененный взгляд на привычные события, иная интерпретация. Например, когда чужую жену внезапно начинаешь считать своей.

Майк бросил ядовитый взгляд на Джека, но тот был слишком увлечен лекцией, чтобы заметить. Почесав подбородок, архитектор спросил:

— П-простите, но как вы объясните массовость в данном случае, п-профессор?

— Если бы вы дали добро на обсервацию, я мог бы точнее ответить на этот вопрос, — еще раз подчеркнул несостоявшийся лауреат Нобелевской премии. Вероятно, он не оставлял надежды, что когда-нибудь феноменальные клиенты одумаются и по доброй воле запишутся в подопытные кролики. — Подобно заразительному эффекту зевоты или смеха, возникающему при зрительном или акустическом сигнале, в вашем случае сигнал *l'autre vu* должен передаваться как-то иначе. Логично предположить, что здесь может иметь место респонсорная синхронизация мозговых волн, по-видимому, существующая между вами. Мой глубоко почитаемый коллега из Бирбекского колледжа Атсуси Сенгу, может быть, слышали? Нет? Так вот, он доказал, что подражательная зевота напрямую связана со склонностью людей к эмпатии. Но ваши взаимные чувства гораздо сильнее обычного сопереживания. Факт, что вы постоянно возвращаетесь друг к другу, позволяет утверждать, что между вами существует некая исключительно крепкая связь.

— Возвращаемся друг к другу? — одновременно выпалила ошарашенная четверка.

Профессор кивнул.

— Не помогает даже суггестия на глобальное удаление личности из памяти — вы просто знакомитесь заново. Где вы в этот раз познакомились?

Все посмотрели на Майка, хотя Энни тоже знала ответ.

— В Майами, — понуро сообщил ресторатор.

— Вот. Менять компоненты пар, образно выражаясь, мы тоже пробовали — трансформацию это не останавливает. Через несколько месяцев вы опять уверены, что любите не того.

— А нельзя зап-программировать в нас ненависть к отдельным... Комп-понентам? — встрепенулся Джек.

Профессор развел руками.

— Исключено. Видите ли, уважаемые, невозможно внушить индивиду что-либо чужое его природе. Вы не способны ненавидеть друг друга. Вы словно автономный замкнутый круг, который невозможно разорвать — некоторые из вас уже пробовали — безрезультатно, естественно. Как здоровье близнецов, миссис Мартинс?

— Спасибо, чудесно, — загробным голосом ответила Энни.

— Рад слышать, — искренне улыбнулся профессор Рок. — Интересно будет понаблюдать за их развитием. Хотя, рожденные вне круга, навряд ли они обладают интересующими нас качествами. Жаль, что у вас нет других детей.

Пациенты этому факту как раз были единодушно рады.

— Зря вы сопротивляетесь, — заметив реакцию публики, заявил психотерапевт. —

Уникальность вашего случая состоит в том, что невозможно изменить правила игры. Вы представляете собою группу людей, словно рожденных быть вместе. Но не следует расценивать ситуацию, как приговор. Посмотрите на это по-другому: ведь вы — не что иное, как доказательство теории детерминизма. Ваши жизненные пути предопределены, и сколько бы мы не пытались разделить вас, вы все равно притягиваетесь, как магниты. Вы везде отыщете друг друга. Это судьба.

Майк остался давать показания, профессор боялся, что трансформация может произойти в любой момент, и не желал откладывать. Остальные, стараясь не смотреть друг на друга, вышли в беззвездную ночь и расселились по машинам.

Так ни до чего и не договорились. Несмотря на то, что профессор битый час говорил про адаптацию и эссенциальный шок, настаивал на регулярных встречах, убеждал в необходимости групповой и индивидуальной терапии — в конце которой, возможно, некоторые примут решение повторить гипноз.

Они обещали подумать. Созвониться. Встретиться. Обсудить.

Но один, точнее, одна из них ничего этого делать не собиралась. Она уже приняла решение. И не намеревалась его менять. Подпевая радио (фальшиво, но ведь никто же не слышит!), она неслась по ночному городу на принадлежащем Майку скоростном танке на колесах. На лобовое стекло шлепались редкие капли и тут же уносились ветром в стороны. Лондон, весь в разноцветной иллюминации, был светлее, чем днем. И народу было больше, и машин — город «наоборот». Как и ее жизнь. Но профессор ошибается, говоря, что судьбу нельзя изменить. Можно. И теперь она знает — как.

Она увидела его на одиннадцатый день — доказательство, что кроме Джека и Майка на свете есть еще мужчины, вызывающие интерес. Худой, загорелый, трехдневная щетина, от которой щеки казались более впалыми, крупные черные с белыми «перьями» завитки волос, закрывающие изумрудные огоньки глаз, когда он читал газету.

Его шезлонг был в соседнем ряду, чуть впереди от их зонтика, поэтому Энни, поедая свой

фруктовый бранч, могла наблюдать за ним, совершенно не стесняясь. По крайней мере пока он не закончил чтение и не начал вертеть головой. Она, конечно, сразу отвела глаза, но вскоре стало ясно, что он ищет. Он поднялся (медленно и грациозно, как встают крупные кошачьи) и пошел мимо нее по направлению к пляжному бару. Его плавки и мускулистые бедра проплыли как раз на уровне ее наполовину прикрытых глаз. Попробуйтесь, профессор Рок, — подумала она с ехидцей, — как разбиваются ваши прогнозы. Улыбнулась довольно и стала смотреть на море, где громко хохоча и истязая надувные игрушки, плескались по пояс в воде ее близнецы.

Издалека донесся гудок парохода, перекрикивались чайки, в кафешантане играла песня на итальянском. Как славно, что они приехали сюда, в Ниццу. Только втроем, это главное, без мужчин. Лучше никого, чем слишком много. Она вспомнила, как ее несчастные сыновья пытались разобраться, кто из маминого гарема был раньше, а кто потом. В тот момент она решила — тогда еще не понимая каким образом — но малыши не должны иметь отношение к этому кошмару. Поэтому и приняла это решение.

От гипноза пришлось отказаться — профессор же предупредил, что никакое внушение не способно удержать от следующей встречи. А значит, забывать друг друга нельзя — наоборот, надо помнить. С этой целью она все очень подробно записала и продолжает теперь каждый день вести этот дневник, просто на всякий случай. Вдруг окажется, что прав Джек со своими параллельными мирами. Хотя он полагает, что если мы осознанно изменим этот мир, автоматически изменится и тот, поэтому когда Энни приняла решение «выйти из заколдованного круга» разубеждать не стал, наоборот — собирается подписать пятилетний контракт с Японией.

Майк до сих пор не проклонулся, но согласился на гипноз — pragmatically рассудив, что лучше синица в руке, если вторая из тех, кого он способен любить, сбежала. Но теперь не хочет Джулия — говорит, что не желает жить с таким нечувствительным эгоистом. Она оставила сообщение на автоответчике — Энни специально не брала трубку — что получила доставленное с посыльным кольцо. И что прощает любимую подругу, и сотрет все воспоминания о том, что произошло.

— Разрешите представиться, мое имя Франсуа Перье. — Зеленоглазый пантер стоял возле нее и протягивал лапу с платиновым браслетом на запястье. Она приподнялась на локте.

— Энни Мартинс.

— Энни, — повторил он, проговаривая буквы, как будто пробуя на вкус. — Я купил вашим мальчикам мороженое, — он положил на соседний лежак, где валялись детские футболки, пластиковый пакет. — Надеюсь, вы не рассердитесь.

По-английски он говорил с премиальным акцентом.

— Что вы, напротив, благодарю.

Они посмотрели на море. Энни размышляла о том, надо или все-таки не стоит предлагать ему присесть.

— Вы сейчас, наверное, посчитаете, что я маньяк или не умеющий красиво знакомиться позор французского племени. Но я все равно задам этот вопрос. Энни, вы верите в любовь с первого взгляда?

Профессор, что вы скажете по этому поводу? — возликовала Энни про себя, внешне, конечно, загадочно улыбнулась, глядя на плескающихся пацанов. Том как раз повернулся и она махнула ему рукой.

— Не знаю, — она перевела взгляд на Франсуа. — Но очень хочу верить.

Они смотрели друг другу в глаза, серьезно, не мигая, поэтому и не видели как несутся, орошая лежащих дам капельками воды и вздымая пятками миниатюрные бури песка, Джереми и Том. Обернулись, только когда восторженно-удивленные лица были совсем рядом. В следующий миг они одновременно запрыгнули на француза:

— Дядя Франсуа!!!

Месье Перье, видимо, умел общаться с детьми, поэтому и не растерялся. Он крутил визжащих шалопаев и только когда карусель поворачивалась к Энни лицом, делал большие глаза.

Но Энни этого уже не видела. Как не слышала ни детских голосов, ни музыки, ни шума моря. Перед ее глазами стояло прищуренное лицо Харольда Рока, и мягкий баритон говорил:

— Уникальнейший случай. Группа людей, рожденных быть вместе. Вы везде найдете друг друга. Как магниты. Это судьба.
